

Глава 6. Лагерное письмо

Могут ли угнетенные говорить? Этот вопрос Гайятри Чакраворти Спивак вполне уместен в отношении японских военнопленных в той же мере, как и верен ее ответ: угнетенные не могут говорить (сами за себя) [Спивак: 667]. Угнетенные «молчат» или «не могут говорить» в том смысле, что за них или от их имени всегда говорит доминирующая культура, интерпретируя за них их опыт и «вкладывая» в их уста «чужие» тексты, такие, какие они только и должны порождать, чтобы соответствовать ее неписаным установлениям [Гапова: сайт].

В лагерях ГУПВИ на собраниях, политинформациях и в письмах военнопленные, как правило, выражали чужую позицию. Ведь говорить, иметь голос означало, по выражению Стивена Коткина, «говорить по-большевистски», на обязательном языке самоидентификации. Такой язык выступает как барометр политической верности [Kotkin: 220]. Коткин писал о советских людях, но японские пленные должны были вслух говорить примерно так же. Публично выражать лояльность, только приблизительно понимая, как в данный политический момент надо говорить по-большевистски, было ежедневной заботой миллионов советских граждан в сталинские годы, включая и японских пленных, хотя они гражданами СССР не были. Более того, японцы плохо понимали русский язык и даже в переводе часто не чувствовали сложности и условности многих риторических формул из сферы идеологии.

1. ПИСЬМА БЛАГОДАРНОСТИ

Все военнопленные, в том числе немецкие и австрийские, писали благодарственные письма и проводили антифашистские митинги перед отправкой домой [Карнер: 225]. Это были, как говорили в СССР, «добровольно-принудительные» мероприятия, за отказ от участия в которых грозило строгое наказание.

Письма благодарности организовывались политработниками Красной армии в разных исторических обстоятельствах. В советском бюрократическом сленге «организовать письмо» означало найти людей, которые сами напишут текст требуемого содержания или подпишут уже готовый текст, демонстрируя свою лояльность власти в целом, а также абсолютное доверие активистам местной партийной ячейки. Таким образом, создается «документ», на который могут ссылаться политики как

на самостоятельное мнение людей из народа. Одними из первых в жанре лагерной благодарности были письма от освобожденных узников Освенцима, о чем рассказал миру Примо Леви.¹⁶ Эту практику политические органы использовали при работе с военнопленными немцами, венграми, японцами и др. Письма благодарности были заготовленным аргументом о хорошей работе лагерей ГУПВИ, на них неоднократно ссылались руководство ГУПВИ в своих документах [Катасонова: 169].

Сами военнопленные воспринимали эти письма как необходимое условие для репатриации, и каждый писал свой отзыв. Многие сочиняли личный текст, другие — от имени группы. Письма переплетались в красивый альбом в той же «сталинской» стилистике, который содержал 200–300 отзывов пленных одного подразделения. Альбомы назывались по-разному: «Отзывы о пребывании в плену лагеря № 5», «Сборник о жизни военнопленных японцев в СССР лагеря № 16», «Отзывы репатриантов лагеря № 16», «Воспоминания о жизни в СССР репатриантов лагеря 4/5», «Письма и воспоминания о пребывании в СССР с переводом лагеря № 32» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Л. 160–172].

Кроме собственно благодарственных писем, фотографий и отзывов о пребывании в СССР пленные своими руками изготовили и множество подарков руководителям ВКП(б) и советского государства. Среди них в РГВА под № 1 в описи 28я обозначено письмо Сталину от военнопленных лагерей Приморского и Хабаровского краев, вышитое на шелковом белом полотне с красным шелковым подкладом длиной 25,5 м в деревянном сундуке [Ф. 4/п. Оп. 28я. Л. 144]. К этому письму прилагалась составная подставка с резьбой по дереву. Опись насчитывает десятки различных шкатулок для альбомов и писем Сталину, выполненных в форме японского дома, или с мраморными подставками и с вышитыми шелковыми покрывалами для шкатулок. Также среди подарков от имени японских военнопленных значатся резные вазы из дерева, художественно оформленная этажерка для книг с подставкой, сделанной под бамбук, барельеф Сталина в деревянном футляре и др. [Ф. 4/п. Оп. 28я. Л. 145].

Письма были обращены к Сталину, правительству, советскому народу, Красной армии, ВКП(б), организациям, администрации лагеря (Л. 153). Подписание письма Сталину преподносится как самое важное событие плена, как экзамен на политическую зрелость, который открывает дорогу «в светлое будущее» — домой. Поэтому в альбомах фиксируются все моменты его подготовки. Создавались специальные фотоальбомы о быте, жизни, **подготовительной работе по подписанию** письма в художественно оформленной деревянной шкатулке с подставкой от лагеря № 16 [Ф. 4/п. Оп. 28я. Д. 16а. Л. 145], Д. 67 — фотоальбом «Наша борьба» **о подготовке к подписанию** письма Сталину лагеря № 19, также Д. 21 — альбом литературно-художественных произведений, отзывов **о подписании письма** Сталину, в деревянной резной шкатулке с подставкой от лагеря № 4, Д. 24 — альбом воспоминаний и зарисовок лагеря № 5/1 **о ходе подписания** письма Сталину в деревянной шкатулке, Д. 41 — альбом **записи хода подписания** письма Сталину лагеря № 16/3, Д. 20

---

16 Примо Леви писал о первых месяцах после освобождения из Освенцима и последующем пребывании во временном лагере в Катовицах, где его знакомый врач был озабочен пропавшими листами бумаги, предназначенными для изъявлений благодарности советскому начальству за гуманное и безупречное отношение во время их пребывания в Катовицах [Леви: 59].

— альбом отзывов японцев-делегатов лагерей Приморского, Хабаровского краев, написанных **после просмотра благодарственного письма** Сталину в деревянной шкатулке [Оп. 28я, Д. 20], Д. 38 — альбом **воспоминаний о подписании** письма Сталину лагеря 5/7.

Отношение к личности Сталина как к сакральной фигуре, фиксированность на ритуале подписания письма Сталину и оформление шкатулок для письма, подставок и покрывал для шкатулок напоминает практики христианского культа, которые можно увидеть и на примере культа Ленина, как убедительно показала Нина Тумаркин.

Деревянный резной ларец в форме японского дома, предназначенный для хранения письма Сталину, возможно, реплика на *омикоси* — переносные ларцы, в которых в синтоистской практике носили по праздникам святые реликвии.

Рассмотрим один из таких альбомов [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13]. Он имеет размер А3, обшит серой шелковой тканью. Первый лист — оглавление на японском языке. Как правило, если текст написан по-японски, то слева приложен машинописный текст на русском языке. Многие листы представляют собой рисунки тушью, акварелью или цветными карандашами: «Выступление художественной самодеятельности военнопленных» (Л. 3), «У доски показателей» (Л. 7), «Движение на работу» (Л. 7а), «На строительстве шоссе на дороге. Бригада Танимура, отд. 1» (Л. 9), «Работа экскаватора» (Л. 10), «В шахте, лаг. отделение № 3» (Л. 11), «Сплав леса. Лаг. отделение № 12» (Л. 12), «В сапожной мастерской лаг. отделения № 10» (Л. 15), «Строительство казармы для в/пл. в 9 лаг. отделении» (Л. 16), «На прополке капусты» (Л. 17), «Разнообразие блюд. Ужин сегодня» (Л. 19), «В столовой лаг. отделения № 10» (Л. 20), «Столовая лаг. отд. № 5» (Л. 23), «Общежитие» (Л. 23 об), «Площадка для отдыха» (Л. 24), «Военнопленные на просмотре кинофильма» (Л. 32), «На реке» (Л. 34). Из 37 листов альбома 17 листов — рисунки. Под заголовком «Производственная деятельность» приложены черно-белые и цветные фотографии (Л. 8), фотографии больничной палаты и медицинского осмотра (Л. 21–22), фотографии заседаний антифашистской школы и молодежных кружков (Л. 29), игры в волейбол и выступление фокусника (Л. 31).

Три листа посвящены анализу того, «что нам дала двухлетняя жизнь в СССР» (Л. 4–6), как неважно обстояли дела у рядовых пленных осенью 1945 г. и как все изменилось к 1947 г. Альбом содержит Договор трудового соревнования, на которое военнопленные 5 лагерного отделения вызвали военнопленных 9 отделения. В нем записано: во всей своей работе систематически добиваться повышения производительности труда не ниже как на 100% и качество работы должно быть не ниже как на хорошо... [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 12 об.].

Как говорилось выше, Э. Бэршай делил военнопленных на ранних и поздних репатриантов, справедливо полагая, что длительность индоктринации имела значение.¹⁷ Альбомы 1947 г. содержали в основном письма благодарности. Альбомы 1949 г. гораздо красочнее и информативнее: тексты сопровождаются графиками, карикатурами, диаграммами, фотографиями.

---

17 Третью группу военнопленных, которые находились в ГУЛАГе и писем благодарности не подписывали, здесь я не рассматриваю.

Рассмотрим «Альбом жизни в/пленных японцев в СССР. Наша жизнь в Советском Союзе. Составлен демократической группой в.п. 4-го лагеря. Сентябрь месяц 1947 г.» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15]. Он красочно оформлен: обложка и каждый лист разрисованы цветами. Плохо ориентируясь в русском языке и в языке коммунистической идеологии, японцы писали свои отзывы на родном языке, а лагерные переводчики прилагали перевод на русский язык. В альбомах 1947 г. опыта в подаче материала и оформлении альбомов было еще мало, переводчики от руки писали тексты писем на русском языке и обозначали свои имена.

Письма содержат много исправлений, так что некоторые из них похожи на черновики. Видимо, альбом попал в руки редактора уже переплетенным, поэтому исправления были сделаны в окончательной версии. Все листы были пронумерованы художником перед заполнением, часть страниц была вырвана, поэтому пагинация с пропусками. Встречаются и вклеенные листы из рисовой бумаги.

Содержание состоит из семи разделов:

- 1 - Как мы смотрели на СССР до поражения в войне?.....3–30.
- 2 - Что мы узнали за время пребывания в СССР?.....31–52.
- 3 - Впечатление о производстве. Откуда произошло трудовое соревнование 53–63.
- 4 - Повседневная жизнь, санитарное обслуживание, питание и обмундирование, недостатки лагерных подразделений.....64–72.
- 5 - Культурно-просветительная работа.....73–86.
- 6 - Политико-воспитательная работа.....87–94.
- 7 - Какое влияние нахождение в плену оказало на военнопленных в отношении их политических убеждений, взглядов на дальнейшие пути развития своей страны 95–105.

В Предисловии отмечается, что

мы объявляем борьбу против цепей самодержавия, кнута угнетения, заговоров эксплуатации и обмана. Мы призываем нашу Родину следовать за Россией. Мы клянемся вступить на путь народной революции за рис, землю и свободу. Мы запишем слова новорождения и составим нижеследующий альбом [Ф. 4/п. Оп. 30-я. Д. 15. Л. 4-4 об.].

Благодаря красивому почерку, которым написаны тексты, создается впечатление, что для автора русский язык — родной. Оно усугубляется от частого использования сокращений, принятых в канцелярском изложении.

Но по ошибкам, характерным для носителей японского языка, можно догадаться, что тексты писали не советские переводчики, а японские. В приведенной выше цитате встречается слово *новорождение*, советский человек, имея в виду результат перековки, написал бы *перерождение* или *рождение нового человека*. В «Сборнике отзывов военнопленных японцев, репатриированных из лаготделения № 2 лагеря МВД № 16 об их пребывании в Советском Союзе. Гор. Хабаровск» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26] писавшие тексты часто путали буквы *Б* и *В*, *Л* и *Р*: боевать [Д. 26. Л. 9], боебая классовая больба [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 15], лодыли [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15, Л. 6], миритаристы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15. Л. 20], что также говорит о японском авторстве. Иногда вместо точки в конце предложения используется кружок, как это принято в японском письме, буква «т» иногда в прописях изображается как латинская *t* [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 23]. Часто возвратная частица «-ся» используется там, где это не принято, например, «обещаемся» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 9], слова сокращаются на гласную букву «и дру.», а перенос слова делается не по слогам.

Орфографические ошибки могут встретиться у любого человека. Но использование некоторых выражений возможно только у иностранцев. Например, автор письма вместо *начального* пишет: *нижнее* образование, допускает выражение «одна часть третьих студентов» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Л. 10. Д. 15] или, когда речь заходит о советской литературе, упоминает «Цемент» Гладкого, а не Гладкова [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15]. В одном из писем встречаем «благодарность за руководство вождя трудящихся всего мира генералиссимуса Сталина и его любимого сына большевистской партии». Видимо, было использовано клише *Сталин и его любимое детище — коммунистическая партия*, в котором при обратном переводе *детище* превратилось в *сына*.

Письма как тексты тоталитарного дискурса. Письма благодарности писал каждый пленник, воспринимая письмо как условие репатриации. Само их количество должно было быть убедительным. Именно вербальному тексту отдавался приоритет, идеологическая нагрузка, безусловно, возлагалась на содержание текстов, на то, «что сказано».

Все письма благодарности подписаны конкретными именами с конкретными адресами в Японии. Некоторые авторы не ограничивались домашним адресом, а описывали свою жизнь начиная с социальной принадлежности отца, как бы отвечая на обязательный вопрос советской анкеты о социальном происхождении.

Часть писем действительно содержала искреннюю благодарность за конкретное дело, например, за излечение от хронического заболевания, за помощь в трудных обстоятельствах, за приобретенную новую специальность. Немало писем написано людьми, лично увидевшими удивительные для японцев социальные достижения социализма: бесплатное медицинское обслуживание, отсутствие безработицы, бесплатное образование, социальные гарантии пенсионерам. Встречаются письма, хотя и подписанные японскими именами, как будто написанные под диктовку советского комиссара. Эти тексты объединяет одно — все письма благодарности были созданы в условиях несвободы. Чтобы добраться до их первичного смысла, требуются деконструкция писем и анализ условий, в которых они создавались.

Авторство японцев видно по строению предложений, по тому, как используются те же выражения из советского идеологического запаса, но все же нескладно. Так, руководитель антифашистского актива при управлении лагеря № 16 Хирои Исида писал, что *после капитуляции Японии мы жили два года в плену или были интернированы сюда, на Советский Дальний Восток, без исключения являясь жертвами войны японского империализма*. В одном предложении Х. Исида объединяет сразу два противоположных взгляда на свой статус — «жили в плену» и «были интернированы». Для японца это противоположные по существу квалификационные определения. И поныне бывшие военнопленные отказываются употреблять термин «пленные». Значит, у японского автора были советские соавторы, с которыми было не поспорить. Зависимые люди не умеют говорить. За них говорит власть, с помощью экспертов и консультантов, подсказывая слова или просто угрожающе ожидая и получая смыслы, которые им угодны.

Неудивительно, что «Благодарственное письмо генералиссимусу И.В. Сталину — лучшему другу японского народа» подписали 66 тыс. военнопленных, которые докладывали «величайшему гению человечества, путеводной звезде трудящихся всего мира», что считают для себя счастьем четыре года, проведенные в социалистическом государстве, и выражали «глубочайшую благодарность, идущую от самого

сердца, за все светлое, все хорошее, что получили в великой Советской стране» [Кузьмина: 83] (рис. 37).

Все японские военнопленные подписали благодарность Сталину, кроме реакционеров, которые дали клятву исправить свои ошибки и со слезами на глазах просили разрешения подписать, потому что это почти что список *домой* [Ооути: 175].

Ооути ясно дает понять о принудительном характере писем благодарности.

Приведенное ниже письмо было принято на митинге перед отправкой в Находку. Разоблачая

культ императора, пленные легко воспринимали культ личности Сталина, который исторически был ближе к фигуре сёгуна.

Дорогой товарищ Сталин!

Мы, японские рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, покидая Советский Союз с глубоким чувством и долгом перед советским народом, выражаем Вам нашу искреннюю благодарность. За годы пребывания в Советском Союзе, благодаря заботе всего советского народа о нас, военнопленных, мы впервые за нашу жизнь почувствовали неоценимые преимущества социалистического строя перед капиталистическим.

Покидая Советский Союз, мы обязуемся неустанно стремиться к укреплению дружбы между советским и японским народами, мы расскажем в Японии правду о великом социалистическом государстве рабочих и крестьян, в котором живут и работают труженики многочисленных национальностей без эксплуатации человека человеком, без национального угнетения народов.

Мы всеми силами будем помогать Национально-демократическому фронту Японии во главе с КПЯ в борьбе за демократизацию Японии.

Желаем Вам, дорогой т. Сталин, самого наилучшего здоровья и долгих, долгих лет жизни на благо всего прогрессивного человечества (Принято военнопленными первого эшелона из лагеря № 32) [Главное: 937].

Письмо «на имя т. Сталина», вышитое на 26-метровом шелковом полотнище, состоит из 14 000 знаков. В нем военнопленные пишут:

Когда мы вспоминаем, какими мы были четыре года назад, мы сами поражаемся огромной перемене, происшедшей с нами. За четыре года мы узнали столько нового, что для этого в Японии потребовались бы десятки лет, и даже более того, в Японии мы этого вообще никогда не смогли бы узнать. Эти четыре года, в течение которых мы, японские трудящиеся, были окружены неустанной материальной и духовной заботой Советского правительства, были годами непрерывного развития нашего демократического движения, годами нашего морального преобразования из бывших солдат грабительской японской армии в сознательных и честных, смелых и убежденных демократов...

В Советском Союзе мы впервые стали духовно свободными людьми и познали правду [Главное: 694].

Написанное на хорошем русском языке, это письмо отражает тоталитарный дискурс, в котором было важно говорить правильно, игнорируя истинность или ложность мысли. В нем содержатся обороты речи, не характерные для советской общественно-политической лексики. Такие же стилистические шероховатости мы встречаем и в других письмах, именно они подтверждают авторство японских военнопленных. Например, бытовое выражение «мы завидуем», которое обычно применяется к человеку, а не государству:

Мы завидуем СССР, который развивает быстрыми темпами свое хозяйство и культуру, идет в авангарде всего прогрессивного человечества... [Главное: 929].

Ниже — тексты нескольких писем из десятков тысяч писем благодарности. В своем письме Хаттори Кадзуо только в последних строках пишет от своего имени, а на протяжении всего текста — от коллективного лица: «мы». Автор использует множественное число, пытается раствориться среди таких же как он тысяч голосов, готовых «бороться, бороться и бороться до» абстрактной «последней победы».

Мы в течение трех прошлых лет смогли понять в социалистическом Советском Союзе, как важно защищать жизненные интересы, защищать независимость народа, восстанавливать отечество, и получили твердые убеждения, решимость и храбрость. Несмотря на то, в какой мере японо-американская реакция развивает пропаганду против СССР, против коммунизма. Мы не будем складывать руки перед ней, будем бороться и бороться до последней победы... [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 173. Л. 96].

Военнопленный Нагана Хуаюки, родом из губ. Кагасима, уезд Уоуку, село Яси-тири, пишет об этом в письме благодарности.

Большая благодарность советским врачам за хорошее обращение с нами. По приезде в СССР я был слаб, но сейчас совсем выздоровел, набрался сил. Большое спасибо советскому командованию и Великому Вождю всех народов товарищу Сталину за хорошее с нами, больными, обращение со стороны русских медиков. Я уезжаю домой, на родину, здоровым солдатом. Подпись [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 20 об.].

Вот еще одно письмо от пленного Хикару Ёкои, социальное происхождение которого было близким люмпен-пролетариату и идеям его классовой борьбы.

В марте прошлого года благодаря вниманию СССР мы сами организовали антифашистский комитет, членом которого мы сами избрали. Мы участвовали в производственном соревновании, в работе политического кружка и твердо знаем, что делать в будущем [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 140. Л. 2].

В коммунистической риторике человек, овладев идеологией марксизма, от темной, беспросветной жизни переходит к светлой, полной новых смыслов классовой борьбы. Далее Хикару Ёкои пишет, объединяя газетные штампы о классовых врагах и конкретные образы своей семьи, ради которой он готов отдать все силы как «один маленький гражданин». Здесь особенно четко видна та неясная картина борьбы в головах пленных, в которых смешались абстрактные образы борьбы с буржуазией и конкретные страдания родственников.

Я возвращаюсь на родину и буду стоять на позициях рабочего класса как один маленький гражданин и вступлю в ряды КПЯ. Клянусь, что буду бороться всеми сила-

ми за независимость народов, мир и демократию, также в качестве члена, который научился марксизму-ленинизму во время своего пребывания в СССР, и за практику деятельности защиты мира во всем мире вместе с народами всего мира [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 140. Л. 2].

Письмо пленного Судзуки также отражает смесь японского церемониального языка и лагерной реальности, описание которой вызывает улыбку несоответствием формы и содержания. Мы видим простодушие автора и старание понравиться адресатам.

Товарищи врачи ухаживают за нами в бане. Раньше, по окончании службы в Квантунской армии, какие они были грубые. А здесь, напротив, к нам — бывшим врагам, японским военнопленным — относятся по-доброму, перешагнув границы между народами с дружелюбием и любезностью, которые сильнее, чем любовь кровных родственников. Еще раз выражаю советским людям глубокую сердечную благодарность [Ф. 4/п. 30я. Д. 18. Л. 101].

Многие письма были похожи на письмо Судзуки, так как в этих альбомах размещались только те картинки и тексты, которые без сомнения понравились бы советскому лагерному начальству. Слишком велика была цена ошибки, поэтому идеологии в этих альбомах с перебором, который для автора был предпочтительнее, чем недобор.

Тексты на рисунках нередко писались представителями лагерной администрации, что узнается по советским штампам и канцеляризмам, знакомым любому советскому человеку. Эти строки своей скучной позитивной безликостью похожи на часть отчета мелкого чиновника в вышестоящие органы. Но в данном случае текст переписывал японец. По тому, как писалась буква Я, видно, что кириллице автор не обучался, так же как не мог он обучиться и тому, как говорить «бюрократически».

Администрация лагерей обеспечивает всех военнопленных трехкратной горячей пищей, приготовляемой из продуктов планового снабжения. Пища готовится разнообразная для офицеров и рядовых отдельно с учетом национальных вкусов военнопленных по установленным нормам. Физически слабым и заболевшим пища готовится отдельно по предписаниям врачей. Военнопленным, работающим на производстве, в отдалении от лагеря, горячая пища доставляется по месту работы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 9].

Тот же почерк и на следующем листе.

Здоровые, годные к физическому труду военнопленные работают в различных отраслях гражданского строительства, а также в производственных мастерских. Продолжительность рабочего дня военнопленного 6–8 часов [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 12].

Фраза о таком коротком рабочем дне военнопленного противоречит постлагерному рисунку, где авторы повествуют о 10–12-часовом рабочем дне, Игараша — о 14-часовом рабочем дне, В. Шаламов упоминает о 16-часовом рабочем дне заключенного ГУЛАГа. Но в публичном документе, тем более для воображаемого адресата текста, написанного по-большевистски, — условного Сталина — должна была быть представлена информация, которая не противоречила бы таким основным завоеваниям пролетариата в XX в., как 8-часовой рабочий день.

Вероятно, лагерным властям было важно иметь «документальные» подтверждения того, что принудительный труд военнопленных в СССР был организо-

ван вполне цивилизованно. Хотя эти документы были созданы в условиях неволи, но формально они массовым образом «репрезентировали благодарность» японских военнопленных. Это создавало оправдательный документ, недаром каждый автор письма ставил не только подпись, но, как в следственном протоколе, указывал домашний адрес в Японии. Альбом благодарности нес двойную функцию — для пленнных он был доказательством лояльности, для лагерного руководства — доказательством человеческого отношения к пленным и «добровольности» принудительных занятий. В октябре 1946 г. закончился Нюрнбергский процесс, который в числе военных преступлений зафиксировал «убийства и жестокое обращение с военнопленными», и комендант концлагеря Освенцим (1940–1943) Рудольф Хесс уже ответил за действия в вверенном ему заведении высшей мерой наказания — его повесили рядом с крематорием... Необходимо было учитывать этот опыт международного трибунала, тем более, когда все ресурсы для обеспечения оправдательного документа находились в распоряжении режима.

Как мы знаем, тоталитарное общество — это общество спектакля, в котором все актеры хорошо понимают свои роли, и режиссером спектакля в данном случае было руководство ГУПВИ. Режиссер требовал разных по содержанию писем: одни авторы благодарили, другие — описывали приятную жизнь в лагере, третьи — обещали строить социализм на родине. Вот что писал военнопленный Ота Фудзие:

Построим и в Японии колхозную жизнь по примеру СССР.

До Октябрьской революции, при царизме, российских рабочих и крестьян эксплуатировали помещики и капиталисты, и они ото дня в день тянули лямку тяжелую жизнь, но благодаря Октябрьской революции рабочие забрали власть у буржуазии, средства производства и орудия труда стали собственностью народа, и, следовательно, в отличие от прежней жизни нам платили столько заработной платы, сколько мы заработали. Мы весело проводим время без эксплуатации. В колхозах используются современные комбайны и люди борются за переход от социализма к коммунизму. Однако, пока господствует буржуазный класс и у власти находится предатель родины Ёсида, мы не можем использовать такие современные машины в Японии, и такой день, как в СССР, еще не пришел к крестьянам.

Мы теперь собираемся в Японию с пламенным убеждением, что после возвращения на родину мы, прежде всего, станем членами КП Японии и будем хорошими организаторами демократического фронта. Мы расскажем о преимуществах колхозной системы и будем стараться изо всех сил создать богатую светлую родину, подобную СССР [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 9. Л. 58 об.].

В письме Ота Фудзие пленный проговаривает идеологические верные слова, как школьник выученный урок на выпускном экзамене, но мы видим их иллюзии о полной оплате труда военнопленных, приукрашенный сюжет о технической оснащенности советской экономики. Предложение о том, что пленные *весело проводят время без эксплуатации* — откровенная ложь, которая будет развенчана постлагерным рисунком. Как и многие другие пленные. он также собирается вступить в компартию Японии. Иваи Нисимура напишет позже:

Клялись, что по возвращении в Японию
все будем членами партии.

А сколько у нас сегодня? [Нисимура 2004а: 10]

Классическим текстом принудительного письма выглядит письмо Дорё Бункити (преф. Кагосима). Может быть, возвращаясь на родину, оправданно находить к стране, в которой чудом выжил, такие выражения как *милый Советский Союз*. Но автор письма видит свое пребывание в лагерях также в терминах перековки: вначале к нам относились как к врагам, как к военнопленным, а позже благодаря честному труду отношение к нам изменилось, мы не чувствуем себя в плену:

Сейчас нам разрешили вернуться домой, и мы уезжаем из милого Советского Союза в Японию с тем, чтобы восстанавливать отечество. Я хотел бы передать свои впечатления так. По прибытии в СССР нас поселили в лагере в горах. В то время отношение советских офицеров и солдат к нам было совсем другим, чем сейчас. Они относились к нам как к военнопленным. Но через четыре месяца, когда мы переехали в Суруджанку, у нас постепенно стало исчезать ощущение, что мы военнопленные... Поэтому я благодарю специально представителей власти, офицеров, солдат и врачей [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 135. Л. 126].

Этот же путь от темного в классовой теории человека — к борцу за права трудящихся в своем духовном становлении отметили в своем групповом письме: младший унтер-офицер Фуджисава Коитиро, военврач капитан Ниномия Дайтэн, военврач лейтенант Дайдо Фумио и есаул, в прошлом издатель Огава Кунио.

Когда вспоминаем прошедшие четыре года, понимаем, что, освободившись от японской империалистическо-фашистской армии, с каждым годом мы перерождались в новый тип человека — в общественного человека. Сейчас мы глубоко убеждены в том, что боремся против японско-американской реакции за победу всего японского народа, за строительство социализма в Японии. Мы и дальше будем вести классовую борьбу как один боец, один организатор. Выражаем благодарности тов. Сталину, великому генералиссимусу, советским гражданам, которые нас так изменили [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 108. Л. 26].

Авторы письма — не рядовые пленные, это образованные и в прошлом обеспеченные люди. Понимая уязвимость благополучного прошлого и лучше других зная требования лагерных властей, ведь двое — военные врачи, они пишут коллективное письмо, в котором всегда проще спрятаться, ведь в роли субъекта выступает групповой автор. Наверняка политрук был доволен выражениями: «это восхищение», «радостные дни». Отметим, что после красивых политических фраз многие авторы, обсуждая тему, какой советский опыт пригодился бы японцам, в первую очередь, говорят о бесплатном медицинском обслуживании.

В советской практике было принято публично представлять и женские голоса. Даже среди такого специфичного мужского контингента нашли медсестру лазарета Кинко Сузуки, которая озаглавила свое письмо «Берите пример с СССР».

Когда я находилась в Советском Союзе, чувствовала, как сильно СССР отличается от Японии. Советские женщины в своей работе не уступают мужчинам. Право женщины на труд, на образование и на отдых записано в Сталинской Конституции. В Советском государстве много женщин имеют высокие правительственные награды как мать-героиня и героиня социалистического труда. Я думаю, что после возвращения домой надо строить новую жизнь, создать мир, в котором не будет войн, где женщина будет равноправным гражданином своего государства. Берите пример с СССР [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 35].

Альбомы благодарности военнопленных были советским идеологическим продуктом. Они «создавали дискурсивные и визуальные решения, в которых советские пенитенциарные практики могли быть репрезентированы; они вписывали лагерь в советский мир, создавая сам дискурс описания советской пенитенциарной системы в категориях социализма; они легитимировали этот дискурс и отражали его динамику» [Добренко: 331].

Альбомы благодарности и дембельские альбомы. Альбомы отзывов 1949 г. представляют собой уже переплетенные вместе рисунки, фотографии и тексты на тему «Жизнь военнопленных в СССР». На первый взгляд, они похожи на так называемые дембельские альбомы, которые создавали солдаты срочной службы накануне демобилизации, чтобы показать свое отношение к годам службы в Советской армии. Однако по своей направленности — это тексты противоположных по замыслу жанров.

Дембельский альбом создавался после двух лет жизни в практически тотальном институте, каким является всякая армия — все ходили с короткой стрижкой, в одной униформе, все ели одну и ту же еду и также слушали политинформации. Режим в Советской армии был, безусловно, мягче лагерного, но тотальность армейского института, как и других исторически обусловленных своими задачами институтов (психиатрическая больница, тюрьма и проч.), сохранялась. Дембельский альбом, как и альбомы отзывов, начинали готовить примерно за полгода до демобилизации/репатриации. Оба вида альбомов изготавливались вручную в единственном экземпляре. По своим целям оба типа альбомов «приводят в надлежащий вид» (Ершов) годы жизни, проведенные в тотальном институте, редактируя в желаемом свете полученный опыт — в одном случае этим занимается сам старослужащий, в другом — лагерная администрация. Но если для демобилизуемого солдата альбом — лакировка памяти о его персональной армейской жизни, мифологизация его собственных армейских будней [Карасик: 11], то альбомы отзывов были призваны концептуализировать нахождение в советском плену больших коллективов в терминах перековки: от политически незрелых или заблуждающихся военнопленных к ориентированным на демократические ценности сознательным членам коллектива.

В этом заключается основное различие двух типов альбомов. Лагерные альбомы писались от имени коллектива, составлялись из подневольных рисунков, и как таковые они не отражали «ничего личного». Армейский альбом принадлежал конкретному человеку, он как раз полон искренних чувств и ожиданий, например, о поезде, который отвезет домой. Все японцы также ежедневно думали о поезде *домой*, но в официальных коллективных нарративах не находится места личному. Классический дембель демонстрирует «абсолютную отстраненность к тому, чем живет казарма» и по мере приближения срока постепенно обретает право проявлять свою человеческую индивидуальность [Лурье: 33]. Японские военнопленные по мере приближения репатриации, как видно из рисунков и нарративов, вели себя осторожнее, опасаясь быть вычеркнутыми из заветного списка, и в большей степени стремились выглядеть как все.

2. Поднадзорный рисунок

Поднадзорный рисунок. Не только фотографии и письма благодарности должны были служить «оправданием» в возможных в будущем обвинениях руко-

водству ГУПВИ. Другим видом оправдания был поднадзорный рисунок с заданной тематикой и стилистикой. Собранные в большой альбом, эти рисунки, сопровождаемые текстами, освещали разные стороны лагерной жизни. Таких альбомов в фондах РГВА несколько десятков.

Принудительные рисунки были насыщены советской символикой. Не только потому, что эти рисунки были выполнены в лагере под двойным контролем политического актива из числа пленных и лагерной администрации, а скорее по другой причине: рисунки воспринимались как проверка на лояльность СССР, необходимая для репатриации. Поэтому каждый пленный старался, чтобы его «личная звуковая волна» была положительно воспринята и зачтена. Незнание идеологической риторики, неумение говорить и рисовать по-большевистски вынуждало авторов к чрезмерному использованию знаков и символов советской власти.

Обложка одного альбома отзывов украшена воображаемым орденом Победы, который вписан в композицию серпа и молота (рис. 38). Японские надписи гласят: Орден Победы — Отзывы о Советском Союзе. Да здравствует Советский Союз — оплот мира и безопасности всех народов! [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 175, обл.] Военный орден Победы и знак серпа и молота означают веру в международную победу союза рабочих и крестьян.

На внутренней странице обложки альбома значится: Отзывы военнопленных лагерного отделения № 7 лагеря № 19 МВД, репатриированных на родину 1 августа 1948 г., начальник лагерного отделения № 7 ст. лейтенант Боловнев Ф.Ф., заместитель по политической части н-ка лагерного отделения № 7 Рожнов А.С. [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 173. Л. 1]. Имена начальника и замполита указаны на титульном листе, как указываются имена ответственных редакторов сборника статей. Теперь мы знаем, кто были кураторами этого проекта в данном лагерном отделении, отбирали или отвергали, одобряли и подправляли содержание отзывов и писем в лагерном отделении № 7 лагеря № 19 МВД СССР. Именно они несли ответственность своей карьерой, если вдруг просмотрели что-то крамольное и идеологически сомнительное.

Любой рисунок несет в себе больше информации, чем задумывал автор. В приведенных здесь выборочных визуальных текстах мы увидим тот тип документа, который я назвала *поднадзорный рисунок* — рисунки, созданные в лагере. Иногда художники выполняли прямой заказ, например, писали портреты руководителей ВКП(б) и советского государства или портреты своих товарищей — передовиков труда. В других случаях это был косвенный заказ, например, художники должны были изобразить лагерную жизнь. Если сюжет был задан, например, нарисовать обед в столовой или отдых в красной комнате, то автору надо было самому думать, что изображать и как.

Насколько такие альбомы отвечали чувствам самих пленных, говорит текст, сопровождающий рисунок и полностью состоящий из газетных штампов, из стереотипных формул. Мы видим, что подчиненные не умеют говорить этим языком, а если пытаются писать, то кажется, что они написаны под диктовку лагерного начальника.

Вот комментарий к рис. 39, сочиненный бригадиром 4 лаг. отделения Коуса:

Столовая была в полном украшении и чистоте как дворец. Имеются все приборы. Она всегда ждет нашего посещения. Хотя количество продуктов ограничено, повара придумывают, как лучше приготовить обед по нашему вкусу. Наши товарищи со светлыми веселыми лицами быстро подают на стол вкусные кушанья. Перевыполнившая 100% бригада пришла с работы. У ребят большая охота есть. Они восклицают: «Как вкусно!» и «Ой как вкусно!» Они едят досыта. Один из них сказал в радостном настроении: когда мы вернемся в Японию, пожалуй, мы не сможем есть такого вкусного [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 97].

Та же степень «искренности» и в изобразительном материале. Даже в современных санаториях вряд ли кухню стали бы украшать картинами в резных дорогих рамах и легкими занавесками с бубенчиками, это противоречит ее назначению и усложняет соблюдение гигиены в таком специфичном помещении, где санитарные требования должны быть высокими. Картины и бубенчики на занавесках были, видимо, просто декоративным элементом в воображении художника. Изобразительное украшательство ставит под сомнение и адекватность визуального ряда.

Оптимистический текст не соответствует оптимизированному изображению. Можно сказать, что это легенда, рассказываемая лагерным активом. Имеются все приборы, но мы видим троих пленных и только одну ложку. Если двое покончили с горячим, неужели есть официант, который уносит приборы во время трапезы? Особо неуместными на столе выглядят кофейник и кофейная чашка. Почему всегда голодные пленные не пьют кофе? Ведь кофе — это роскошь в лагерных условиях и нехватка кофеина в лагере не раз отмечалась европейскими пленными.

Иллюстрации в альбоме также лакируют действительность. На акварельном рисунке [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 9] верхняя часть стен побелена, но и нижняя часть, которая обычно красилась в СССР масляной краской более темного цвета, также светлая. Невероятная деталь — это двухцветная полоска между верхней и нижней частью стены, обычно в СССР довольствовались одним цветом. Сомнительны также натюрморт маслом на стене в позолоченной раме и белоснежные занавески в помещении, где готовится еда. Они могли бы найти свое место в столовой, но не в горячем цеху — это очевидное приукрашательство реальности.

Среди множества транспарантов, изображенных на фотографиях тех лет, есть такой: «Да здравствует СССР — страна, действительно не знающая расизма!». Почему вопросам расизма придается такое значение? Как считает А. Мещеряков, логику

поведения Японии во Второй мировой войне диктовали не только соображения рационалистического характера, но и не в последнюю очередь комплекс обиды на то, что Запад рассматривал Японию как «азиатскую» страну. В США и Европе дискриминировали население Японии по расовому признаку и не желали признавать «красоту» японцев, а сами японцы оказывались неконкурентоспособными в телесном отношении [Мещеряков 2012: 396]. Наум Хомский помнит американскую прессу 1930-х гг., в которой писалось о японцах как «желтых карликах», а также «обезьянах, даже хуже: червях и муравьях, которых следовало раздавить» [Критическое...]. Поэтому отсутствие расизма как идеологической доктрины, провозглашение всех народов СССР равными было позитивно оценено японцами, ожидавшими к себе дискриминационное отношение как азиатам и как к военнопленным.

Подавляющее большинство пленнх по-русски знали два-три десятка слов из производственной и дисциплинарной лексики, которые были непригодны для описания лагерной жизни и изложения марксистских идей. И тут на помощь приходили проверенные каналы индоктринации. Цитаты из работ Ленина и Сталина, из газеты «Правда» выручали художников, так как были готовыми образцами для репродукции.

Рисунки для пленнх были морально комфортнее и менее опасными, нежели вербальные тексты. «Говорить по-большевистски» требовало или реальной увлеченности идеей, или являлось частью сознательной стратегии выживания. Как бы то ни было, рисовать «по-большевистски» было меньшим компромиссом. Но возникал вопрос: как надо рисовать по-большевистски? Надежнее всего для японских художников было использовать главные идеологические

символы СССР: красное знамя, серп и молот, Московский кремль.

Одним из распространенных символов была Спасская башня Кремля. О том, насколько воображаемое художниками было далеко от реальности, свидетельствует, к примеру, желтый цвет Спасской башни, который мы видим на рис. 40. Башню венчает несоразмерно большая красная звезда. Пленные стремятся «рисовать по-большевистски», главным содержанием рисунка становятся идеологическое прочтение художественного задания, которое не оставляло бы сомнений в приверженности художника идеям демократии. На втором месте — эстетическая составляющая.

Похоже, что образцом для копирования была черно-белая газета «Правда», не дававшая намека на нужный цвет, и для того, чтобы оттенить красную звезду на шпигеле, художник из эстетических соображений выбрал желтый цвет башни и синий цвет кремлевской стены. На этом рисунке изображены сразу две Спасские башни, одна из которых, поменьше, появляется в лучах, исходящих от кремлевских звезд [Ф. 4/п. Оп. 29я. Д. 18. Л. 111].

Такое частое обращение к сюжету со Спасской башней не было случайным. Оно отражает не только конкретное место резиденции верховной власти в СССР. Спасская башня здесь отражает саму идею лагерной вышки как конструкции для контроля за простыми людьми, причем контроля вооруженного. В. Шаламов увидел прямые параллели между московскими высотками и караульными лагерными вышками: «Вышка лагерной зоны — вот была главная идея времени, блестяще выраженная архитектурной символикой» [Шаламов Т. 1: 356]. Как мы видим, вышки в Москве множились в архитектуре как здания-высотки, а в рисунках японских пленников — на бумаге.

Частым сюжетом альбома были рисунки лагерной жизни. Тут изобразительный канон не был известен, образцов в газете не было. Политическая карикатура в СССР обычно высмеивала врагов — толстых банкиров в котелках, худых трусливых политиков. И когда сюжет требовал обличать империалистов, их именно так и рисовали в лагерном рисунке. А как изображать свою лагерную жизнь?

Следующий рисунок представляет собой иллюстрированное меню (рис. 41).

Сегодня на ужин: Разные блюда, основанные на творческом усилии. Сегодняшний труд — это веселый ужин. Меню: слева направо: торты, манты с красным знаменем, голубцы, бисквит, сибирская охаги, суши, жареная рыба, канок, кашива мочи, демократические шируко [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 19].

Этот поднадзорный рисунок представляет меню в аутентичном японском стиле. Оно не маркировано как праздничное, значит — обыденное, ежедневное.

Украшать манты красным флагом или назвать сладости демократическими — в этом видны сверхусилия в стремлении понравиться лагерной администрации. Власть уже уверенно водит рукой художника. Демократическая фразеология подачи бросается в глаза: демократические шируко, манты, украшенные красным знаменем. В СССР не было демократических пельменей или пряников. В таком стремлении рисовать и говорить «по-большевистски» мы видим и неуверенность в завтрашнем дне пленников, и желание вернуться — как оборотную сторону демократической фразы.

Рисунки для стенной печати могли быть созданы в разных стилях, но рисунки в стиле манга, сделанные в свободное время Ё. Ватанабэ, не понравились бдительному руководству, западозрившему в них политическую сатиру на Советский Союз.

Допрос. Лица советских людей изображены неверно. Вы порвали стенгазету. Признаться, что ты контрреволюционный элемент. Японский демократ отнес манга советскому комиссару. Он донес на меня как на контрика. Я сказал комиссарам: во всех странах мира существуют такие карикатуры, и я не рвал стенгазету. Переводчика не было, поэтому меня заставили написать показания. Я написал объяснительную, что

не контрик, и стенгазету не рвал, и лица изображены нормальные, как в карикатурах во всех странах мира. Здесь нет ничего оскорбительного. Я прочел перевод на обороте. Тогда комиссары меня отпустили спать. *Я контрэлемент, я оскорбил советских людей в манга и порвал стенгазету* (признал вину устно) [Ватанабэ: 294].

3. ПИСЬМА ДОМОЙ

3 июля 1946 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов докладывал руководителям страны, что, с одной стороны, среди военнопленных японцев растут демократические настроения, а с другой, по данным МИДа, в Японии усиленно распространяют слухи о якобы невыносимых условиях жизни военнопленных японцев в СССР. В этой связи он предлагал разрешить обмен письмами между военнопленными и их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее, предоставив военнопленным японцам право посылать на родину одно письмо в три месяца, а имеющим хорошие производственные показатели — два письма в три месяца [Военнопленные: 276]. В июле 1946 г. переписка была разрешена, и в соответствующем приказе отмечалось, что письма должны писать на специальных открытках, отпечатанных в типографии газеты «Нихон синбун» в Хабаровске. Эти открытые письма были названы «почтовой карточкой военнопленного», на других бланках отправлять письма не разрешалось, также была запрещена переписка с родственниками, проживающими в иных странах, кроме указанных трех. Для военной цензуры должны были выделить десять человек со знанием японского языка [Военнопленные: 281–282]. Контроль был тщательным, составлялись специальные именные списки военнопленных, в которых отмечалась дата выдачи карточки каждому военнопленному, заполнение почтовых карточек должно было производиться четким разборчивым почерком обязательно чернилами. Обеспечение необходимыми помещениями и чернилами для написания писем возлагалось на лагерное начальство [Военнопленные: 283]. За нарушение лагерного режима пленных наказывали лишением права переписки на срок от 3 до 5 месяцев [Военнопленные: 282]. Почтовые карточки военнопленного содержали и пустой бланк для ответа. Тотальный институт простирали свои щупальца насколько мог: из лагеря в Японию шли одинаковые безликие открытки на серой бумаге, и из Японии в лагерь шли такие же одинаковые безликие открытки.

В лагерной жизни все обычно бывало скромнее, беднее, меньше, чем указывалось в официальных документах. Так, Такеда за четыре года плена разрешили написать только 5 карточек домой [Такеда: сайт], Като не отправил домой ни одного письма.

В открытке сообщать можно было только о себе, имена товарищей, живых или умерших, упоминать не разрешалось, как и сведения о дислокации лагерей. Нельзя было упоминать слова: лагерь, спецгоспиталь и рабочий батальон, нельзя было писать о характере выполняемой работы. Цензура проверяла письма из лагеря и письма в лагерь. Перед выдачей письма ставили штамп: проверено цензурой [Военнопленные: 284]. Не случайно в Японии заметили «подозрительно однородный тон» этих писем [Томиита: 598].

За 9 месяцев 1947 г. было отправлено за границу 547 233 письма. За это же время из-за границы военнопленные японцы получили 258 908 писем, в том числе из Японии — 257 119, из Маньчжурии, Кореи и Южного Сахалина — 1 789 [Воен-

нопленные: 314]. За 1948 г. в адрес военнопленных поступило 339 357 писем, в том числе из Японии 330 388, Кореи — 5 954, Маньчжурии — 1 848 и Южного Сахалина 1 167, и было отправлено 411 436 писем, в том числе в Японию 406 761, Корею — 2 760, Маньчжурию 587 и на Южный Сахалин 1 167 [Венгерские: 105].

Адреса лагерей ГУПВИ были законспирированы номером почтового ящика. Но иногда уточнялись область и город, как например: г. Хабаровск, п/я 224 Накамура Тоиджи [Росси: 11].

Цензура не просто следила, чтобы нежелательная информация не уходила за рубежи СССР. Специальные сотрудники не только перлюстрировали почту, но и занимались контент-анализом переписки. Отдел цензуры регулярно отчитывался о настроениях пленных высшему должностному лицу в стране — тов. И. Сталину, копии посылали А. Жданову, В. Молотову, Л. Берия. Эти данные собирались по лагерям, суммировались и направлялись в министерство. Так, за июнь 1947 г. было выявлено, что писем с положительными отзывами о Советском Союзе — 65 %, с положительными отзывами о питании и содержании в лагерях — 17 %, с положительными отзывами о демократическом движении и КПЯ — 10 %, писем отрицательного характера (недовольство условиями содержания в плену, питанием и др.) — 2,8 % [Военнопленные: 314]. Особо яркие письма переписывались для доклада начальству. Письма «отрицательного характера», как отчитывался глава МВД С. Круглов руководителям страны, «нами конфискуются» [Японские военнопленные в СССР: 299].

Письма домой, как видно из отчета лагеря № 22, находились под двойным контролем — за это отвечали также активисты, количество писем регулировалось планом и фиксировалось в отчетах [Кузьмина: 88]. Чем больше было написано писем с позитивными отзывами об СССР, тем лучше считалась работа актива и лагерной администрации. Одним из таких было письмо Мосинага Тосидзоки родственникам в г. Фукуй.

Благодаря доброму отношению к нам Красной армии мы не испытываем недостатка в продуктах питания, как другие на родине. До пленения с нами обращались, как с ломовыми лошадьми, и мы ничего не знали. Теперь же, попав в эту демократическую страну, многое, что я вижу, вызывает большой интерес. Тут нет привилегированных классов, а потому весь народ смотрит в будущее с надеждой. По возвращении на родину я думаю принять участие в демократическом движении и бороться за счастье народа [Военнопленные: 314].

Военнопленный Такасира Невору писал родственникам в г. Токио.

Советское командование очень доброжелательно относится к нам. Раз в неделю нам обязательно показывают кинофильм, у нас имеется своя самодеятельность. Каждый день едим рис. Вообще Советский Союз совсем не такое опасное государство, как нам объясняли в Японии. По возвращении в Японию я буду стараться претворить в жизнь все ценное, чему научился в Советском Союзе [Военнопленные: 314].

Ямада Набору — своему родственнику Сусуму Набору в г. Насе.

Я сейчас идеологически перерождаюсь. Желая помочь восстановлению родины, я усиленно занимаюсь. Я точно понял, что без уничтожения императора, военщины и финансовых монополий — а это является исторической необходимостью — восстановить Японию будет невозможно. Ввиду этого я твердо решил поддержать коммунистическую партию. Я против того, чтобы из Японии сделали зависимую страну или колонию. Для предотвращения этого мы, патриоты, обязаны поддерживать компартию. Прошу Вас рассказать родителям и братьям об истинном облике

коммунистической партии. Я живу в СССР светлой и благополучной жизнью [Военнопленные: 314].

Военнопленный Ейдзоо Абе — родственнику Масамити Абе в г. Хачиноэ:

Я вполне здоров как душой, так и телом. У Великого Советского Союза я научился прогрессивному движению. Я отбросил все прошлое и твердо решил, что, если мне разрешат вернуться на родину, то обязательно буду активно участвовать в демократическом движении с целью освобождать неимущие классы от эксплуатации и лжи [Военнопленные: 314].

Письма в основном рассказывают о «благополучных» условиях лагеря. Возможно, пленные не хотели тревожить родственников, а также предпочитали сохранить лицо, ведь жаловаться на жизнь некрасиво. Негативная информация об СССР безусловно могла обернуться неприятностями — от бойкота до проблем с репатриацией. Большая часть пленных избегала писать конкретно о своей жизни, прибегая к вежливым безликим фразам. Но все же встречались люди, кто прямо писал, как есть. Так, Уэмацу Кан написал родственнику Уэмацу Хачиман, префектура Яманаси:

Я здесь встречаю уже второй Новый год. Рисовые лепешки ем только во сне. Тут невообразимый холод. Кормят нас главным образом твердым черным хлебом, кислой картошкой и гаоляном. Не знаю, сколько это может продолжаться, но я живу верой, что придет тот день, когда исполнятся мои желания. Отдавшись в руки судьбы и абсолютно не реагируя на трудности работы, мы терпеливо трудимся [Военнопленные: 314].

Военнопленный Ояма Тораро — родственникам в г. Осака:

Живу очень плохо, на здорового человека я нисколько не похож и превратился в половину того, что было. Кроме того, обмундирование и обувь мне велики и выгляжу как карикатура [Военнопленные: 315].

Письма из дома были очень нужны военнопленным, они давали моральную, эмоциональную поддержку. Среди, например, венгерских военнопленных ГУПВИ «находились желающие выкупить чужие письма и не жалеющие миски похлебки или пайки хлеба, лишь бы быть не хуже других» [Эркень: 29].

4. ЛАГЕРНАЯ КАТАКАНА

Катакана — слоговой японский алфавит, предназначенный для записи иностранных слов и имен. Конечно, катакана запечатлела политонимы и топонимы чужой страны: *СССР, Сибирь, Яблоновый, Байкал, Ворошилов, Канск, Находка*, которые были и остались привязкой к местности на карте памяти.

В какой-то степени весь лагерный опыт можно представить в японской жизни только катаканой, настолько он культурно иной. Поэтому катакана в комментариях к картинкам или как часть изобразительного текста маркирует явления, чувства и слова, в первую очередь, слова, употребляемые в ежедневных трудах, — *давай, работа, норма* и слова, важные для выживания, — *скоро, домой, махорка, печка* и др. Большую группу слов составила идеологическая лексика — *Сталин, Интернационал, демократическое движение; реакционер, контрик, контрэлементы, актив, курс*. Оказались усвоенными и такие советские сокращения, как: *контрик, хозинвентарь, спецпаек* и др. Наконец, инвективы, без которых общение охранников и местного населения с военнопленными трудно представить.

С. Кузнецов, много общавшийся с бывшими пленными, писал, что *домой* было единственной мечтой и надеждой узников сибирских лагерей. Кроме этих самых важных слов, запомнились и другие: *работа, давай-давай, давай работай, мало работал, начальник, мадама* (в смысле — женщина, жена), *махорка, очень хорошо, рагеру* (лагерь), *одэхай* (отдыхай — в значении выходной день) [Кузнецов 2003: 289], а также: *самогонка, йоппу твою матти, рубрю, капуста-картошка, каша, подъём, работай, сука, могила, копай-копай, бурохи и фуси* (блохи и вши), *дземура* (земля), *очко, чушка, я-сибиряк* [сайт «Записки гайдзина»]. Н. Киути запомнил такие слова, как: *мало-помалу, чисто, там, другой, два метра, нельзя, принеси рис*. Отмечу, что, проговаривая русские слова в июне 2015 г., Нобуо Киути воспроизводил и повелительную интонацию выражений «Давай чисто!», «Принеси рис!», «Нельзя!» [ПМА, интервью с Н. Киути. Токио, 27 июня 2015].

Производственная норма. С тех пор, как мы приехали в Сибирь, это словосочетание постоянно висело в воздухе. Как нам надоело его слушать! Тем не менее не только у русских шахтеров и рабочих, но и у нас, японских военнопленных, слово «норма» стало зловещим. Ведь вся жизнь лагеря зависит от этого слова [Ёсида Ю: сайт].

Заканчиваем работу в колхозе только что выученными русскими словами «До свидания», «спасибо». Красный закат поистине красив. Небо Восточной Европы отличается от неба Маньчжурии. «До свидания, барышня», «Работа — конец. Колхоз» — так мы прощались по-русски [Киути: сайт].

Знающих русский язык среди военнопленных было не так много. Сержант Ёсида Юкио был единственным среди 1400 чел. лагеря Заозерная, кто прилично говорил по-русски, потому что его специально полтора года готовили в учебном отряде иностранных языков в Харбине [Ёсида Ю: сайт]. К выпускникам Харбинской школы присматривались офицеры НКВД, выясняли, не имели ли они отношение к разведке. Переводчик Такеши Мимура за то, что тоже ее закончил, был наказан как военный преступник 13 годами ГУЛАГа, хотя к разведке не имел отношения. Более или менее свободно говорить по-русски в лагере стали люди, способные к языкам, бывшие студенты, имевшие навыки обучения иностранным языкам.

Мотивация для обучения русскому языку у людей была разная. Кто-то хотел научиться говорить по-большевистски, кто-то — чтобы выжить, кто-то, как К. Като, думал так:

Мне казалось, что в Сибири я могу заболеть и умереть. Поэтому мне хотелось знать хотя бы название того места, где я найду свою смерть. Для этого необходимо было изучить русский язык. И я старался не пропускать случая поговорить с кем-нибудь по-русски, заучивал тексты из разговорника [Като: 55].

Русские слова, написанные по-японски, присутствуют на многих картинах. В первую очередь, это самые важные для выживания слова, которые после отсева временем сохра-

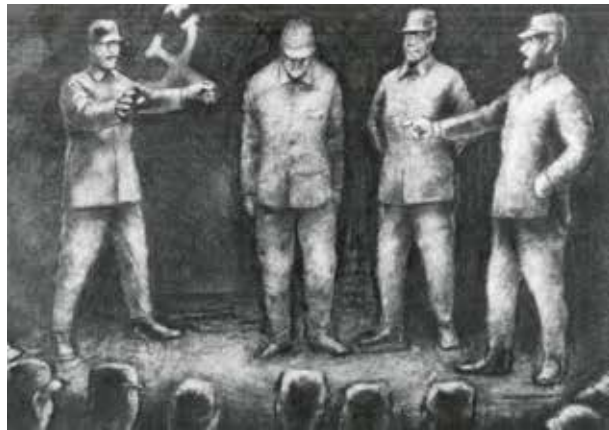

нились в памяти и отразились в языке травмированной памяти. Это слова *скоро домой*, написанные по-русски Я. Казуки (рис. 42).

Ё. Уэцухара написал: *Домой, Сталин, банзай* [Уэцухара «Эн» (2)] (рис. 43). Мы попросили у начальника «Правду» и нашли понятные нам слова, например, *военнопленные, японские, домой*, и обрадовались [Ооути: 122]. Ц. Хисанага в своих комментариях писал катканой слово «дорога», Такэути — «каша есть?»

В японской литературной традиции существует правило — отмечать сезон. Такая привязка ко времени года может быть прямой, а может быть и опосредованной — через упоминание цветущего растения или опадающей листвы. Верны этой традиции и авторы воспоминаний в форме дневников, например, Ё.

Ватанабэ. Мы регулярно встречаем в его книге: желуди в середине октября, клопы в середине августа [Ватанабэ: 236, 237].

Я. Казуки нарисовал портрет человека, лицо которого выражает муку — ему дискомфортно (рис. 44). Портрет сделан нарочито грубо, как будто набросан вчерне, как будто это черновик человека или глыба, которую надо обтесать, убрав все лишнее, например, тяжелую память. На шее автор изобразил два главных символа советской власти — пятиконечную звезду и красное знамя. Именно эти символы не давали пленному дышать.

На рисунке И. Ёсида, изображающем товарищеский суд, также помещены серп и молот (рис. 45). На сцене мы видим фигуры четырех пленников. В центре стоит тот, который «провинился» перед другими. Он низко склонил голову, руки опущены и прижаты к телу. «По швам», как учат военных. Рядом с ним стоит человек в очках, которые здесь являются символом опыта, с заложенными за спину, как у хозяина положения, руками. У него довольное лицо режиссера спектакля. Крайний справа

выступает в роли обвинителя. Он вытянул правую руку с указующим перстом, как учитель, отчитывающий нерадивого ученика за невыученный урок. Но нас интересует человек слева. Он вытянул обе руки, как хормейстер, дирижирующий хором. А вокруг его рук — призрак серпа и молота с пятиконечной звездой, напоминающий также скрещенные ятаганы [Ёсида: 168].

На картине Я. Казуки найдем в двух словах четыре грамматические ошибки (рис. 46). Они красноречиво демонстрируют, что автор — чужак в этой стране, что и Сибирь, и Байкал — это реалии чужого и недружественного для него мира. Если ошибка в

слове *Байкал* связана с особенностями фонетики японского языка, то неверное написание слова *Сибирь* свидетельствует о незнании чужого языка, так и не усвоенного, несмотря на 18 месяцев, проведенных в СССР, поскольку политические занятия в лагерях проводили, а уроки русского языка — нет. На другой его работе название порт Находка назван *ИАХОТКА*. Амур. 1945.

После слов *домой* и *Сибирь* ключевым стало также и слово *СССР*, вписанное Казуки красными буквами в черное полотно лагерной жизни, как мы видим на рис. 47.

До свидания, *Сибирь* и *Находка*. 27 октября 1948 г. Работал три с половиной года на победителей. Я избежал семилетнего тюремного срока. Мое судно плывет прямо в Японию, где голод и революционная борьба. *Кричат в сторону СССР: дураки, дураки* [Ватанабэ: 349].

В дневнике Ватанабэ мы встречаем и другое распространенное русское выражение *еще взяли*, которое пленные произносили, когда переносили бревна [Ватанабэ: 252]. Эти слова отсылают к песне бурлаков, которые тащили торговые корабли по русским рекам до XX в. Кроме народных песен «Полюшко-поле», «Дубинушка» военнопленные полюбили песни «Моя Москва», «Катюшу», которую в 2015 г. безошибочно напел Нобуо Киути. Като Кюзо хорошо помнил романс «Ночь светла» (муз. Н. Шишкина) и «Кантату о Сталине», и слова, и мелодию.

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.¹⁸

18 Слова М. Инюшкина. Музыка А. Александрова.

Конечно, важно было знать пролетарский гимн.

Приказ о репатриации 1000 чел. Это половина пленных лагеря. Все были возбуждены. Управление лагеря и комитет отбирали людей два дня и объявили, кто может вернуться домой. Быстро устроили прощальный вечер. Все пели *Интернационал* [Ооути: 127].

Особая группа слов, засевших в памяти пленных, — это русские инвективы во всем их небольшом, но емком спектре. Неприятные слова и выражения, которые пленники слышали чаще других, отчеканились в сибирских воспоминаниях. Как заметил И. Такасуги, они — естественное порождение советской производственной жизни и совершенно необходимы для скрашивания жестоких условий существования советских людей [Такасуги Ч. 4: 111].

Разговор работяг везде одинаков, поэтому даже самые плохие ученики русского языка могут выругаться и крепко выразиться: *дурак*. Когда русские начинают ругаться, японцы, не замечая, в возбуждении отвечают на японском языке [Ооути: 156].

9 ноября. Первый шаг на чужбине. Здравствуйтесь... Быстро. *Ёб твою мать, японский* [Ватанабэ: 142].

Ватанабэ запомнил инвективное выражение рядом с термином, означающим его этническую группу — это парадоксальным образом может означать как хорошее, так и плохое отношение к пленникам.

С 5-метровой башни бревно в полтора метра длиной упало и задело мою голову. Не очень больно, но кровь пошла. Фуджихира отнес меня, и я надеялся на отдых в 10 дней. Но русские говорят, что скоро помру. Дурак, я не умру. *Скоро помрет японец. — Ой, плохо. — О, блять. — Ой, страшно* [Ватанабэ: 332].

Заставляют *работать* при скудной еде, как пишет Уэцухара. Слово «работа» также написано катаканой, так как это была не просто работа, знакомая японскому языку, а подневольный труд.

К нам приехали политработники, начальники лагерей. Офицеры обещали нам, что в этом году обязательно все вернутся в Японию. Ко всем вернулись силы. В бараке рядом с плакатом о повышении процента нормы висит радостный плакат о *домой*. Когда люди смотрят на него, их лица сияют [Ооути: 131].

Проверял американец с японскими корнями (после возвращения в Японию. — Э.Г.). Спрашивал: вы кричали в Находке «Да здравствует *Сталин, Советский Союз*»? Показал мне карту, где все нарисовано удивительно подробно. Вот это лагерь, где вы жили, вот магазин, а где находится электростанция? [Ооути: 188].